

УДК 821.261.1-09"18/19"

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ «КОД» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ

В. Г. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»

Шалина (Кустовская) М. А.

Евпаторийский институт социальных наук (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Евпатория, Россия
E-mail: marie_ka@mail.ru

Демина Е. Г.

Медицинская академия имени С. И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: d88e@mail.ru

В статье рассматриваются очевидные и скрытые аллюзии и реминисценции повести В. Распутина «Живи и помни» на творчество Ф. М. Достоевского, а также функции художественного диалога писателя-деревенщика с русским классиком XIX столетия. Не имея возможности напрямую говорить о причинах духовно-нравственного кризиса жителей сибирской деревни в частности и советского народа в целом, В. Распутин использовал прием интертекстуальности и зашифрованных смыслов. Прочтение в повести художественного «кода» Достоевского позволяет выявить глубинный смысл знакового произведения и трагическое предупреждение писателя XX века. Повесть «Живи и помни» прочитывается как своеобразная инверсия «Преступления и наказания»: если у Достоевского явлен путь падшей души от смерти во грехе к духовному воскресению благодаря вере, по воле Христа, путь от гордыни к смирению, то у Распутина дано последовательное описание деградации своевольной личности, не знающей Бога.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, Ф. М. Достоевский, «деревенская проза», интертекстуальность, христианская аксиология.

ВВЕДЕНИЕ

Деревенская проза рассматривалась советским литературоведением как явление значительное, требующее глубокого осмысления и анализа, однако исследования тех лет не выходили за рамки нравственной проблематики и публицистической злободневности, при этом отмечалось, что писателям данного направления удалось восстановить связь с традициями русской классической литературы, прерванные искусством социалистического реализма. И только в

последние два десятилетия с возвращением религиозной культуры в научный контекст обнаружился глубинный философский и христианский подтекст этой прозы, и вдруг оказалось, что точками соприкосновения почвенников XIX и XX века являются не только проблематика, поэтика или стилистика, но, в первую очередь, искание высшего религиозного света, «исцеляющего и преображающего жизнь как духовную, так и телесную» [15].

Появились работы, исследующие мотив праведничества в прозе В. Г. Распутина [1; 3; 7; 14], образы же антигероев часто остаются за пределами исследовательского внимания. Между тем для русской классической литературы, в которой собственная эпоха осознается кризисной, едва ли не апокалиптической, критическая оценка современником психологии грешника была особенно важной. «Чем мучительнее ощущение геенны, тем более понятным становится тот страстный порыв к Истине, который слышится в словах молитвы: “Из глубины возвах к тебе, Господи”», – писал князь Трубецкой [16].

В 2001 году в Таллине В. Г. Распутин был удостоен первой Международной литературной премии имени Ф. М. Достоевского. Факт не просто знаменательный, но в своем роде эмблематичный: это событие символически запечатлело преемственность традиций двух классиков русской литературы. Когда-то в 70-е признанный советский писатель-деревенщик называл Достоевского своим учителем в мастерстве углубленного психологического анализа [11, с. 5], спустя годы, в начале нового века, он подчеркнет прежде всего *духовную* миссию своего учителя, которого в торжественной речи именовал не просто «самым духовным писателем», но – «духовником» каждого из нас [12].

Даже в период всеобщего атеизма В. Распутин в числе творцов «деревенской прозы», продолжавших традиции почвенничества, чувствовал и осознавал, что потаенным духовно-нравственным стержнем русского народа испокон являлась именно его *вера*, православное христианство. Уже в нынешнем веке писатель выразил свое убеждение: «Две силы – родная вера и родная литература – духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и окрылили его. Такого влияния и такого значения литературы ни в одном народе увидеть больше нельзя. Когда

насильственно отвергнута была вера, почти столетие литература, пусть и недостаточно, пусть и притчево, иносказательно, но продолжала духовное дело окормления и не позволила народу забыть молитвы» [13].

В конце 90-х – начале 2000-х писатели будут ратовать за утверждение православия и возвращение к народно-национальным святыням открыто. В советское же время такой возможности, разумеется, не было и инструментом своеобразной тайнописи стала интертекстуальность, отсылающая к библейским, святоотеческим источникам или русской классике, проникнутой идеей духовного преображения. Так, в художественной прозе В. Распутина аллюзии и реминисценции на творчество Ф. М. Достоевского служат неким «кодом» передачи глубинного, зашифрованного от партийной цензуры религиозно-нравственного смысла. Показательным в этом отношении можно назвать текст одной из наиболее известных повестей автора – «Живи и помни» (1974), «недостижимой вершины» художественного мастерства прозаика [2], за которую он был награжден Государственной премией СССР.

Цель настоящего исследования – выявить интертекстуальные связи с художественным наследием Достоевского и охарактеризовать их в качестве метода «тайнописи» в повести «Живи и помни».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Явные и скрытые, доступные более эрудированному читателю, отсылки к Достоевскому задают особый семантический вектор понимания и интерпретации хрестоматийного произведения. Очевидно, что Распутин усвоил у Достоевского не только мастерство передавать «психологическое напряжение», но и основную идею всего творчества великого классика – утверждение *необходимости* веры в бессмертие души, благодать соединения со Христом.

Уже первая символическая деталь – *топор*, с пропажи которого из потайного места начинается повесть Распутина, вызывает устойчивую ассоциацию с романом «Преступление и наказание». Подкрепляют эту связь ощутимые художественные параллели между персонажами: «хитроумный чтей-грамотей»

Иннокентий Иванович, подошедший вплотную к раскрытию преступления Настены и Гуськова, имеет явный литературный прототип в образе следователя Порфирия Петровича. Игра в «прятки» Настены с ним повторяет «кошки-мышки» Порфирия с Раскольниковым. Героиня Надька, молодая еще женщина, после гибели мужа на войне оставшаяся вдовой с тремя детьми, своим гордым, бунтарским характером и экзальтированной манерой поведения напоминает Катерину Ивановну Мармеладову. Знаковым и отнюдь не случайным видится аллюзивное повторение имен детей: младших дочерей обеих героинь зовут Лидочками, старший же сын Надежды – Родька (Родион).

В обоих произведениях тонкому анализу подвергается психология преступника и метафизика преступления. Например, тайное желание нарушителя закона быть разоблаченным, пойманным. Или то, как преступление отсекает личность не только от близких, от социума, но и от самой жизни. И Раскольников, и Гуськов болезненно ощущают свою отрезанность от всеобщего мира, чувствуют себя «мертвецами». Осознание духовной смерти Раскольникова звучит в романе лейтмотивом, как в признании самого героя: «я себя убил, а не старушонку» [4, с. 322], так и в постоянно повторяющихся и усиливающих семантику смерти символических деталях: каморке-гробе, духоте, мертвой воде реки Невы, на берегах которой стоит каменный город-призрак Петербург (подробнее об этом см.: [8]). Принадлежность миру мертвых Андрея Гуськова многократно утверждается на мифопоэтическом уровне повести, когда герой сравнивается с нежитью – лешим, оборотнем. Так, Настена после близости с мужем испытывает неуверенность: «а муж ли? Не оборотень ли это с ней был?» [11, с. 188], позже признается мужу: «я в бане понять не могла, кто со мной – ты или леший» [11, с. 209].

Сам локус первого появления дезертира-Гуськова – *баня* – является маркированным и в романном мире Достоевского (вспомним «баню с пауками» как образ вечности у Свидригайлова или баньку в саду Федора Павловича Карамазова, в которой словно из «банной мокроты завелся» будущий отцеубийца Павел Смердяков), и в фольклорно-мифологических народных представлениях,

где баня – «наиболее *чужой* локус в пределах *своего* мира», «медиативный центр между мирами», где «возможна встреча живых и мертвых» (курсив наш. – М. Ш., Е. Д.) [9, с. 184]. Пространство пребывания «бегляка с войны» – «это “потустороннее” пространство не только в прямом смысле слова (по ту сторону Ангары), но и в символическом: “*живые там, он – здесь*”» [10, с. 237]. «*Мертвым углом*» именуется автор то место, где после возвращения «*хоронился Андрей*» Гуськов (курсив наш – М. Ш., Е. Д.) [11, с. 240].

В идейном плане сюжет повести «Живи и помни» оказывается своего рода художественной *инверсией* романной структуры произведения Достоевского. Если автор «Преступления и наказания» показывает путь к воскресению падшей, совершившей грех души, то Распутин демонстрирует обратное направление – движение от чести к бесчестию, от одного греха к другим, и вытекающее отсюда неминуемое «расчеловечивание» личности, преступившей «черту» и заглушающей в себе голос совести.

Преступления, совершенные Родионом Раскольниковым и Андреем Гуськовым, – убийство и дезертирство – различны по сути, но в основе обоих поступков лежит *утверждение своеволия*. Раскольников проливает невинную кровь в качестве пробы своей идеи права сильной личности преступать закон и заповеди. Гуськов, движимый обидой на военное начальство, отправившее его после тяжелого ранения без отпуска на фронт, решает сам «взять то, что отняли» [11, с. 194] – отправиться-таки в родную Атамановку, а значит, – бежать с войны.

Томас Манн в романе «Волшебная гора» говорил о том, что в военных есть нечто аскетическое: они, словно послушники в монастыре, отдают себя в полное распоряжение командования и должны быть готовы отдать жизнь в любой момент. Призванный на фронт, Гуськов исполнял свой долг, был надежным товарищем в бою, однако, получив серьезное ранение, решает, что «с него хватит, он свою долю прошел сполна» [11, с. 193]. Андрей осознает, что «на войне человек не волен распоряжаться собой, а он распорядился» [11, с. 195]. Ощущение несправедливости по отношению к себе, нежелание подчиниться приказу

рождают экзистенциальный бунт: «Он-то живой человек, почему с ним не посчитались?!» [11, с. 194].

Гордыня, своеволие, обида на несправедливость и, как следствие, – бунт, малодушная жалость к себе, эстетизация своего страдания, желание мстить окружающим за собственную низость и наслаждение от незаслуженной боли, причиняемой им, – набор типологических качеств *человека из подполья* у Достоевского. Гуськов в полной мере воплощает свою принадлежность к подпольному типу, достаточно вспомнить его отношение к «немой Тане» – женщине, приютившей его на некоторое время: ему хочется «в отместку [на ее заботу, терпение и ласку!] в свое удовольствие измываться над ней, а потом снова жалеть ее и снова измываться», потому что «вина требует вины, пропащая душа ищет пропасти поглубже» [11, с. 287].

Каждой деталью писатель настойчиво отсылает читателя к Достоевскому, не в последнюю очередь – именами своих персонажей. Случайно ли отца Андрея Гуськова зовут Федором Михайловичем? Полным именем и отчеством старика в повести не именуют ни разу, все зовут героя Михеичем, и лишь однажды жена называет его по имени – Федором. Михей – краткая форма имени Михаил (от древнееврейского «подобный Богу»). Подтверждением этой догадки является и профессия Михеича – конюх, в повести подчеркнуто его бережное отношение и уважение к лошадям, словно это «и не скотина». Известно особое расположение к лошадям Достоевского (достаточно вспомнить боль Раскольников от сна о «забитой лошади», с одной стороны, и известное высказывание писателя о том, что у каждого русского мальчика должна быть деревянная лошадка, с другой). Интересно и то, что сын Достоевского, Федор, впоследствии живший в Симферополе, был конезаводчиком. Не хочет ли автор повести намекнуть читателю, что «отцом» его героя является именно Федор Михайлович, русский классик, создатель галереи образов раздвоенных подпольных гордецов и бунтарей, мечущихся между идеалами «Содома и Мадонны»?

Возвращаясь к мысли о параллелях образов Раскольникова и Гуськова, принадлежащих к типологическим вариантам подпольных героев, отметим все же

онтологическую разницу их личностей. Персонаж Достоевского движим альтруистической идеей спасения человечества, что неоднократно демонстрируется в романе; герой повести «Живи и помни» эгоистичен по своей натуре и продолжает утверждаться в своем индивидуализме. Выпавшее на его долю и на долю близких ему людей страдание не очищает своевольную душу, а наоборот, ведет к гибели, к потере нравственного человеческого облика.

Рядом с обоими героями-преступниками находятся женщины-спутницы, разделяющие с ними их нелегкую судьбу. Видится, что обращение Распутина к деминутивной форме имени – *Настена* (так Михеич сразу назвал молодую жену сына) – апеллирует к ласковому именованию *Сонечки* Мармеладовой Федором Михайловичем Достоевским. Оставляя за рамками внешние параллели между образами героинь, обратим внимание на решение ключевой духовно-нравственной проблемы, реализованной носительницами народно-почвенных начал. Для Раскольниковца Сонечка – проводница к духовному воскресению, она спасает убийцу благодаря своей вере во Христа и убежденности в милосердии Бога, дарующего прощение даже таким грешникам, каким стал Раскольников и какой почитала себя сама Соня. По замыслу Достоевского, именно она выступает носительницей «православного воззрения», противостоящего «казуистике» идеолога-Раскольникова. Не обладая книжным интеллектом, героиня понимает истинную трагедию неудавшегося Наполеона «про себя» – «умом сердца». Таким же пониманием обладает и Настена. Андрей, доверяя ей свою страшную тайну, уверен в этом: «Я знаю, ты поймешь. Поймешь, все, как есть» [11, с. 216].

Первое, что Сонечка советует Раскольникову, открывшемуся ей одной: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!” Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [4, с. 322]. Настена же, узнав страшную правду о муже, которую боялась осознать до разговора с ним, восклицает: «Но как, как ты насмелился? <...> Как у тебя духу хватило?» [11, с. 214].

Безусловно симпатизируя Настене, Распутин все же воплощает в ее образе трагедию отрыва от животворящей и поддерживающей связи с Богом. Героине повести «Живи и помни», как всем вырванным из соборности коллективизацией, не хватает именно веры и воцерковленности, чтобы обрести спасение: как «положить крест» она уже не знает, слова молитвы полузабыты с детства, церковные свечи покупаются в магазине для сугубо житейских нужд, а не для молитвы. Настена, как и Соня, не единожды советует мужу выйти и покаяться перед людьми, однако без духовной опоры и фундамента веры ее слова не имеют убедительности, и поэтому побеждает Гуськов, склоняющий ее на свою – обратную – сторону.

Сонечку и Настену объединяет безоглядная готовность пройти скорбный путь вместе с избранником. Однако если Соня разделяет с Раскольниковым его *наказание*, то Настена разделяет с мужем его *преступление*.

На примере героини Достоевского можно наблюдать действие силы Духа – не индивидуалистического хотения и утверждения самостояния личности, но парадоксальной силы в слабости, даруемой свыше смиренным и умалившимся. Робкая, тихая Сонечка убеждает рационалистического героя-идеолога поступить так, как должно, а не так, как диктуют ему гордыня и своеволие. Настена проявляет силу духа – но только человеческого, она, как и Гуськов, поражена гордыней, и в отдельные моменты в ней вспыхивает тот же огонек своевольного утверждения собственной правды и правоты, обратной истине, тот же экзистенциальный бунт, вопрос о том, «почему же предназначенное для нее [счастье] как нарочно должно пройти мимо и попасть к кому-то другому? Нет, так с человеком нельзя» [11, с. 262]. Солгав и украв однажды, героиня осваивает эту «науку», чувствует, что «переступила уже через какую-то мелкую стыдинушку и теперь могла ступать дальше». При этом, сознавая, что делает, «вины за собой <...> все-таки не чувствовала, не признавала» [11, с. 286]. Она надеется на то, что выходом ей и мужу будет покаяние, однако так и не делает решающего шага к спасению.

Контрастом человеческой горделивой натуре в повествовании Распутина, думается, неслучайно явлен мир природы, живущий не по самоустановленному закону, а по Божьему. Герои, только что открывшие друг перед другом тайники души, свои самые сокровенные воспоминания, но так и не сумевшие услышать друг друга, выйти за пределы собственных «я», чувствуют себя «не настоящими», «тряпичными», «чужими» перед лицом дня, который отходил «покаянно и тихо, смиряя все вокруг, с полным прощением перед прощанием» [11, с. 263].

В «Преступлении и наказании» Достоевского через смиренную, не требующую счастья для себя Соню, читающую Раскольникову евангельскую главу о воскресении умершего Лазаря, проявляет себя сила Божественного Слова. Зерна, брошенные героиней, возрастают в Раскольникове подспудно. Даже после явки с повинной и принятия каторги герой не раскаивается в содеянном, но понимает только, что сам не выдержал «пробы», не смог стать «наполеоном», однако идея его по-прежнему казалась ему совершенной и действенной. И только через бессознательное – последний сон о моровой язве – герой получает откровение об истинной сущности всех измышленных идей спасения мира.

Мотив символических *вещих снов* – еще один элемент интертекстуальных связей с творческим дискурсом Достоевского. Гуськову и Настене снится «обоюдный сон», в котором каждый из них участвует «со своей стороны». Гуськов видит девочку, «в обтрепанном платьишке, заморенную, босиком», ничего в ней нет Настениного, но он почему-то понимает, что это она [11, с. 257]. Девчонка, будто жена, укоряет его, что тот не помогает ей с ребятами, он же недоумевает, какие дети могут быть у столь юной девочки, и отмахивается от нее, прогоняет несколько раз. Настена же в своем сне, являясь мужу намеренно «не в своем, а девчоночьем виде», чтоб на него «подействовать», напрасно надеется на то, что муж поймет знак, не откажет в просьбе. «Что тебе стоило согласиться или на худой конец промолчать? Теперь бы все по-другому было», – интуитивно прозревая истину, говорит Настена [11, с. 259].

Образная символика и проблематика «обоюдного сна» героев коррелирует со сном Мити Карамазова в итоговом романе Достоевского. Изможденная мать с

иссохшей грудью во сне Мити о плачущем «дिति» и Настена в облике худенькой обворованной девчонки, просящей помощи для «ребятишек», символизируют материнское начало родной земли, обездоленность Руси (вспомним березки во сне Андрея!), которая вопиет о помощи и защите. И если Митя Карамазов после увиденного сна решает «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого» [5, с. 457], то Андрей Гуськов несколько раз отмахивается от пришедшей к нему за помощью девочки.

На верхнем смысловом слое символику сна Гуськова можно интерпретировать как предвестие его будущего предательства Родины, отказа воевать и защищать вместе с бойцами русских «ребятишек» и их матерей. На глубинном же уровне, который открывается благодаря творческому диалогу автора с Достоевским, вещей сон героев выводит к проблематике детского страдания и совинности всех, возникающей как аллюзия на идейный комплекс «Братьев Карамазовых»: страдания невинных «деток» в страшных «анекдотах» Ивана Карамазова выступают самым сильным аргументом его бунта против Бога и мироустройства в целом. В образе же брата Дмитрия воплощается «теодицея» Достоевского, когда герой не бросает обвинения Всевышнему, а знает, что «все за всех виноваты», и берет эту общую вину на свои плечи: «Все – “дите”. За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!» [6, с. 31].

Принцип совинности осознается, принимается и Настеной, которая уверена, что в грехах мужа виновата с ним жена («муж и жена – одно»), а значит, и ответ держать вместе. Размышления Ивана Карамазова о безвинной «слезинке ребенка» отзываются в мыслях Настены о вечно голодных, диких, оставшихся без отца детях Надьки: «Они-то в чем виноваты?» [11, с. 303].

Однако у Достоевского признание закона «все за всех виноваты» имеет спасительную силу, поскольку приводит к искупительной жертве. Распутин же в своей инверсированной истории демонстрирует, что без истинного раскаяния, без

обращения ко Христу, без смиренного принятия искупительного страдания спасение невозможно.

Само название повести Распутина – «Живи и помни» – прочитывается синтаксическим параллелизмом к заглавию романа «Преступление и наказание»: смысловой центр художественного высказывания Достоевского приходится именно на *наказание* преступника; *карающая память*, суд совести, на которые Распутин обрекает своего героя, являются самым грозным приговором для труса и эгоиста, погубившего своих близких.

Уже с момента решения о дезертирстве Гуськов чувствует, что стал существовать «обратной, спячивающейся жизнью» [11, с. 189]. Духовная деградация героя художественно подчеркнута автором и в ощутимой смысловой инверсии значимых символических образов «Преступления и наказания». Так, у Достоевского символ *камня*, сопряженный с образом каменного *гроба*, содержит в себе христианскую семантику воскресения из мертвых (недаром сразу после убийства Раскольников прячет украденные вещи под камнем во дворе *Вознесенского* проспекта) [4, с. 85; подробнее об этом: 15, с. 95, 145]. Классик символически воплощает идею духовного воскресения грешника, показывает путь души от губительного своеволия к благодатной связи с миром благодаря вере, любви и самопожертвованию. Духовное воскресение Раскольникова в финале, его освобождение из погребальной пещеры и «духоты» Петербурга на «воздухе» сибирских степей художественно усилено символикой *весны* как времени возрождения – не только природного, но и метафизического. В повести же Распутина, имеющей обратный замысел, *пещера* на *Каменном* острове, найденная Гуськовым в качестве безопасного, скрытого от всех места, становится знаком окончательной духовной гибели героя. Здесь он впервые обнаруживает зримые признаки бесовского одержания: с жадным любопытством наблюдая предсмертную агонию козы, герой вместо собственного отражения видит в ее глазах «две лохматые и жуткие, похожие на него, чертеняжки рожицы» [11, с. 223]. Сюда, на Каменный остров, в свою пещеру, собирается уйти Гуськов в малодушных «перспективах» сведения счетов с жизнью. Тогда и пришедшая в

Атамановку весна для героя, идущего по реверсивному пути, становится временем гибели, а не спасения.

ВЫВОДЫ

Подводя итог сказанному, можно отметить, что сегодня смысл повести В. Г. Распутина прочитывается глубже, чем в предшествующий период, благодаря постижению религиозно-нравственного урока, заложенного в ней. И урок этот воспринимается именно сквозь призму интертекстуальных связей с наследием Ф. М. Достоевского. С помощью идейно-художественного «кода» классика советским писателем подспудно утверждается мысль о том, что духовное восстановление личности невозможно без веры в Бога, для русского человека – без православия. Повесть Распутина можно назвать «доказательством от противного» (излюбленный художественный принцип Достоевского!) идейной концепции «Преступления и наказания»: герои лишены евангельского Слова, не имеют веры во Христа, дарующего прощение и воскресение, гордыня, свойственная в разной степени обоим, мешает раскаянию. Видится, что «православного воззрения», силы и милости, даруемых свыше, не хватило Настене для спасения семьи. Суеверие вместо веры повергает героев во тьму, лишая выхода к свету.

Уже в наши дни в слове о русской литературе В. Г. Распутин скажет, что «России для ее нравственного и духовного спасения и возвышения нужна не просто хорошая, честная, чистого письма литература – ей нужна литература <...> *жертвенного реализма*» (курсив наш – М. Ш., Е. Д.) [13]. В повести «Живи и помни» явлен пример безоглядной жертвенности героини. Однако памятен урок, извлекаемый из ее страшной судьбы: жертва без смирения оказывается бесплодной.

Список литературы

1. Барышева, О. А. Мотивы агиографической литературы в рассказе В. Г. Распутина «Изба» [Текст] / О. А. Барышева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 3. – С. 109–113.
2. Беляков, С. Живи в России (критический отзыв на повесть В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана») [Электронный ресурс] / С. Беляков // Урал. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/3/bel-pr.html>. – (Дата обращения: 25.04.2018).
3. Демина, Е. Г. Фаворский свет В. Распутина (повесть «Последний срок») [Текст] / Е. Г. Демина // Таврические духовные чтения: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 140-летию создания Таврической духовной семинарии. – Симферополь, 2013. – Т. 2. – С. 247–254.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6: Преступление и наказание. – 424 с.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14 : Братья Карамазовы: книги I–X.– 514 с.
6. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. – Л.: Наука, 1976. – Т. 15: Братья Карамазовы: книги XI–XII: эпилог: рукописные редакции. – 624 с.
7. Королева, С. Ю. Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (к вопросу о художественном воплощении народной религиозности) [Текст] / С. Ю. Королева // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 79–89.
8. Кустовская (Шалина), М. А. «Воздух» и «вода» как символы «живой жизни» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Текст] / М. А. Кустовская (Шалина) // Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. – Великий Новгород, 2008. – С. 131–138.
9. Новикова, Н. Л. Мифологический мотив «явление потустороннего гостя» в повести В. Г. Распутина «Живи и помни» [Текст] / Н. Л. Новикова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 10. – С. 184–188.

10. Новикова, Н. Л. Фольклорная символика в художественном пространстве повести В. Г. Распутина «Живи и помни» [Текст] / Н. Л. Новикова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 237–243.
11. Распутин, В. Живи и помни. Повести [Текст] / В. Распутин. – М.: Известия, 1977. – 592 с.
12. Распутин, В. Г. Время Достоевского (Из выступления В. Распутина) [Электронный ресурс] / В. Г. Распутин. – Режим доступа: <http://mspu.org.ua/pulicistika/6768-vremya-dostoevskogo-iz-vystupleniya-vrasputina.html>. – (Дата обращения: 25.04.2018).
13. Распутин, В. Г. Откройте русскому человеку русский свет. Размышления о русском человеке в русской литературе [Электронный ресурс] / В. Г. Распутин. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/invol.htm>. – (Дата обращения: 25.04.2018).
14. Смирнова, Н. Н. Концепция праведничества в повести В. Г. Распутина «Последний срок» [Текст] / Н. Н. Смирнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 8. – С. 122–125.
15. Тихомиров, Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении [Текст]: книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. – 472 с.
16. Трубецкой, Е. Н. Свет Фаворский и преображение ума. По поводу книги священника П. А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» [Электронный ресурс] / Е. Н. Трубецкой. – М., 1914. – Режим доступа: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/14_trube.pdf. – (Дата обращения: 25.04.2018).

DOSTOEVSKY'S LITERARY "CODE" IN THE NOVEL *LIVE AND*

REMEMBER BY V. RASPUTIN

Shalina M. A., Demina Ye. G.

Summary. The article deals with the obvious and hidden allusions and reminiscences on F. M. Dostoevsky's work in the novel *Live and remember* by V. Rasputin and the functions of literary

dialogue of the Village Prose writer with the XIX-century Russian classic. As it has been impossible for V. Rasputin to speak directly about the causes of spiritual and moral crisis of the Siberian villagers in particular and of Soviet people in general, he uses the technique of intertextuality and ciphered implications. Interpretation of Dostoevsky's literary "code" in the novel reveals the deep meaning of the 20th century writer's landmark work and tragic warning. Novel *Live and remember* is a peculiar inversion of *Crime and Punishment*: while Dostoevsky shows the path of a fallen soul from death in sin to a spiritual revival through faith, by the will of Christ, the path from arrogance to meekness, Rasputin demonstrates gradual degradation of a self-willed individual ignorant of God.

Keywords: V. G. Rasputin, Fyodor Dostoevsky, village prose, intertextuality, Christian axiology.

References

1. Barysheva O. A. *Motivy Agiograficheskoi Literatury v Rasskaze V. G. Rasputina «Izba»* [Motives of Hagiographic Literature in the Story by V. G. Rasputin *Izba*]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2008, no 3, pp. 109–113.
2. Belyakov S. *Zhivi v Rossii (Kriticheskii Otzyv na Povest V. Rasputina «Doch Ivana, Mat Ivana»)* [Live in Russia (Critical Review of the Story V. Rasputin *Daughter of Ivan, Ivan's Mother*)]. *Ural*, 2004. Available at: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/3/bel-pr.html> (accessed 25 April 2018).
3. Demina Ye. G. *Favorskii Svet V. Rasputina (Povest «Poslednii Srok»)* [Favorsky Light of V. Rasputin (novel *The Last term*)]. *Tavrisheskie Dukhovnye Chteniya: Mater. Mezhdunar. Nauch.-Prakt. Konf., Posvyashch. 140-letiyu Sozdaniya Tavricheskoi Dukhovnoi Seminarii*. Simferopol, 2013, vol. 2, pp. 247–254.
4. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 30 tt.* [Full Collection of Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. Vol. 6: *Prestuplenie i Nakazanie* [Crime and Punishment]. 424 p.
5. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 30 tt.* [Full Collection of Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 14: *Bratya Karamazovy: Knigi I–X* [Brothers Karamazov: books I–X]. 514 p.
6. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 30 tt.* [Full Collection of Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 15: *Bratya Karamazovy: Knigi XI–XII : Epilog : Rukopisnye Redaktsii* [Brothers Karamazov: Books XI–XII: Epilogue: Handwritten Versions]. 624 p.

7. Koroleva S. Yu. *Obraz Pravednika v «Derevenskoi Proze» V. Rasputina (k Voprosu o Hudozhestvennom Voploshchenii Narodnoi Religioznosti)* [The Image of the Righteous in V. Rasputin's Village Prose (to the Question of the Artistic Embodiment of Popular Religiosity)]. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 2009, no 1, pp. 79–89.
8. Kustovskaya (Shalina) M. A. «Vozdukh» i «Voda» kak Simvolы «Zhivoi Zhizni» v Romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i Nakazanie» [«Air» and «Water» as Symbols of «Living Life» in F.M. Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*]. *Materialy XXII Mezhdunarodnykh Staroruskikh Chtenii 2007 Goda*, Velikii Novgorod, 2008, pp. 131–138.
9. Novikova N. L. *Mifologicheskii Motiv «Yavlenie Potustoronnego Gostya» v Povesti V. G. Rasputina «Zhivi i Pomni»* [Mythological Motive "the Phenomenon of the Otherworldly Guest" in V. G. Rasputin's Novel *Live and Remember*]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2013, no 10, pp. 184–188.
10. Novikova N. L. *Folklornaya Simvolika v Hudozhestvennom Prostranstve Povesti V. G. Rasputina «Zhivi i Pomni»* [Folklore Symbolism in the Artistic Space of V.G. Rasputin's Story *Live and Remember*]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2011, no 10, pp. 237–243.
11. Rasputin V. *Zhivi i Pomni. Povesti* [*Live and remember. The story*]. Moscow: Izvestiya Publ., 1977. 592 p.
12. Rasputin V. G. *Vremya Dostoevskogo (Iz Vystupleniya V. Rasputina)* [Time of Dostoevsky (From the Speech of V. Rasputin)]. Available at: <http://mspu.org.ua/pulicistika/6768-vremya-dostoevskogo-iz-vystupleniya-vrasputina.html> (accessed 25 April 2018).
13. Rasputin V. G. *Otkroite Russkomu Cheloveku Russkii Svet. Razmyshleniya o Russkom Cheloveke v Russkoi literature* [Open the Russian Light to the Russian Person. Reflections on the Russian Man in Russian Literature]. Available at: <http://www.voskres.ru/idea/invol.htm> (accessed 25 April 2018).
14. Smirnova N. N. *Kontsepsiya Pravednichestva v Povesti V. G. Rasputina «Poslednii Srok»* [The Concept of Righteousness in V.G. Rasputin's Novel *The Last Term*].

Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta, 2010, no 8, pp. 122–125.

15. Tikhomirov B.N. «Lazar! Gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i Nakazanie» v Sovremennom Prochtenii* [The Novel by F.M. Dostoevsky *Crime and Punishment in a Modern Interpretation*]. St. Petersburg, Serebryanyi Vek Publ., 2005. 460 p.
16. Trubetsoi E. N. *Svet Favorskii i Preobrazhenie Uma. Po Povodu Knigi Svyashchennika P. A. Florenskogo «Stolp i Utverzhdenie Istiny»* [Light Favorsky and the Transfiguration of the Mind. Concerning the Book of the Priest P. A. Florensky *Pillar and the Statement of Truth*]. Available at: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=1743> (accessed 25 April 2018).